

Поэзия и будни морского труда

О рассказах Виктора Слипенчука, напечатанных в журнале «Москва»

Они пронизаны ощущением жизни, словно с проводов фраз, часто звучащих как поэтические строки, срывающимся пенным электричеством...

Возможно, это электричество любви? Любви к жизни со всем её наполнением, к морскому труду, которому была посвящена значительная часть судьбы писателя...

Слипенчук может быть деловито-строг в построении фразы, сразу вводящей в курс дела, точно, как часовой механизм, настраивающей на дальнейшее:

«Большой морозильный рыболовный траулер «Аскольд» шёл домой, и старпом объявил по трансляции:

– Желаящие следовать в порт Находка на «Аскольде» должны срочно подать заявления на имя капитана-директора».

Так начинается рассказ «У тебя есть тельняшка?» – и дальнейшие его ходы, развороты и повороты проведут читателя путями бытования траулера: будто отдельного, но подчинённого людям существа, в котором есть нечто таинственное... что-то... быть может, даже от Левиафана ветхозаветного проступает, смущая и поражая.

Слипенчук может быть, как было сказано выше, стилистически строг, а может – поэтичен, даже используя самый прозаический материал рыболовецкой правды:

«И рыбу выливали. Два барабана каждые шесть часов давали три тонны варёного тука. Я спустился в РМУ, чтобы пропустить тук через свою адскую машину, именуемую кормодробильной установкой и ревущую раненым львом. Тук, как раскалённый песок, жёг сквозь подошвы сапог. Испарения першили в горле и разъедали глаза. Пот заливал уши».

Так фраза звучит в рассказе «Сон будет хорошим»: и кипение языка здесь – как поэтические взмывы, совмещающие скрипичные пассажи и пианистическое туше: нежное касание клавиш звука.

Все четыре рассказа, представленные «Москвой», сквозные, открытые ветрам, морские – не просто по тематике, но и по исследованию моря человеческого и отдельных его представителей, вмещённых в корабельные будни.

Персонажи характеризуются кратко и точно, мускульный нажим фразы очевиден:

«Серёга был возбуждён. Десятый месяц в морях, сразу после армии. И вот – домой. Пусть не на пассажирском, без комфорта, но всё равно домой».

Слева направо: Игорь Михайлов, Виктор Слипенчук, Александр Балтин и Игорь Епифанов

Лёгкость живописи, верность словесного мазка.

Перекипают разговоры.

Онтология обыденности передаётся речевой густотой, и, несмотря на краткость реплик, разговоры органичны и естественны...

Сложно в художественном тексте добиться естественного звучания прямой речи для создания иллюзии жизни. Слипенчуку это удаётся: послушав его героев, с ними можно поделиться впечатлениями, вступить в диалог, обсудить что-то своё...

«Сон будет хорошим» – название, окрашенное розовато-муаровыми оттенками оптимизма, прозрачный шар которого часто горазды прокалывают иглы судьбы и опыта; но здесь – сквозь наслоение тягот работы корабельного мукомола – не порвётся плёнка ононого шара, даже если сон будет тяжёл, надо думать о хорошем, а во сне... всё мелется и мелется мука...

Но рассказы Слипенчука – жизнеутверждающего толка. Ибо что бы ни происходило, чем бы ни нагружала жизнь, иногда предлагающая в качестве опыта метафизические булыжники, всё равно это жизнь: избыточно щедрый дар, с лихвою оправдывающий всё негативное.

И верится – сон будет хорошим, если не теперь, то когда-нибудь потом уж точно...

...Санька-одессит появится вместе с последним «пассажиром», чтобы стать персонажем рассказа «Санька-одессит».

Метафоры Слипенчука сочетают метафизику и фантазию:

«Судно лежало на правом борту, пустынное, как макет».

И даже пустынное, кажется оно живым существом.

...Насвистывающий Санька, Санька, тянущий из фала нитку, – точно очерчиваются контуры роли: тонко и точно, будто серебряным карандашом средневекового мастера живописи. А потом контуры эти насыщаются телесностью и душевностью обыкновенного человека, но со своим необыкновенным, только ему присущим содержанием.

Он лёгок – Санька...

Люди Слипенчука своеобразны, и то, что слышится порой отголоски Шукшина в построении образов, только увеличивает смыслоёмкость содержания.

Телеграфно-точно прописываются будни морской работы: «Максим Горький»... «Максим Горький»... «Полста лет»... – Капитан наклонился над рацией, и я понял, что мы будем швартоваться.

– Курс? – не глядя на меня, спросил капитан.

– Сто сорок, – ответил я.

Повернувшись к старпому, капитан бросил:

– Сто сорок два... Они в дрейфе».

Информация, принимающая художественный облик.

Едва не случившаяся трагедия – танкер, идущий на корабль, – опалает читательское сознание.

В рассказе «Перегруз» снова ярко разворачивающиеся будни морской повседневности, экзотической для большинства людей, яркие характеры, неожиданные ситуации, пейзажные блёстки, художественно целесообразная игра метафор...

Жизнеутверждающие рассказы Виктора Слипенчука, представленные «Москвой», насытят эстетический и этический голод самого взыскательного читателя.

Александр Балтин